

27170

257

КНЯЖНА

ПОЭМА

М. Я. Шевченко.

ЛЕСЫШЫНА ЧЕЛЯДЬ

оповидання И. Франка.

Відахо В.с. М. Туртомъ.

Цена 3 коп.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Ключковская — 5.

1901.

КНЯЖНА

ПОЭМА

М. С. Шевченко.

ЛЕСЫШЫНА ЧЕЛЯДЬ

оповидання М. Франка.

Выдако Вс. М. Туртомъ.

27170

ХАРЬКОВЪ.

типографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Ключковская—5.

1901.

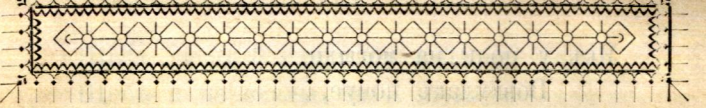
60к.

Дозволено цензурою.--Харьковъ, 31 Іюля 1900 года.

Дозволено цензурою. Г. Харьковъ, 21 Августа 1900 г.

1061
I
1051
Ф

КНЯЖНА.

ПОЭМА

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Зоре моя вечирняя,
Зійды надъ горою,
Поговорымъ тихесенько
Въ неволи зъ тобою.
Роскажи, якъ за горою
Сонечко сидае;
Якъ у Днипра веселочка
Воду позычае;
Якъ шырока сокорына
Вити розпустила,
А надъ самою водою
Верба похылылась—
Ажъ по води розислала
Зеленыи вити,
А на витяхъ гойдаються
Нехрещени диты;

Якъ у поли на могыли
Вовкулакъ ночуе,
А сычъ въ лиси та на стриси
Недолю вищуе;
Якъ сонъ-трава пры долини
Въ ночи розцвитае...
А про людей... та нехай имъ!
Я ихъ, добрыхъ, знаю,
Добре знаю!... Зоре моя,
Мій друже едыный!
Ты не знаешъ, що діється
Въ насъ на України,
А я знаю и розкажу
Тоби—й спать не ляжу,
А ты завтра тыхесенько
Богѣви розкажешъ.

Село! и сердце одиночне.
Село на нашій України—
Неначе пысанка. Село
Зеленымъ гаємъ поросло;
Цвितуть сады, биліють хаты,
А на гори стоять палаты,
Неначе дыво; а кругомъ
Шыроколыстыи тополи,
А тамъ и лисъ, и лисъ, и поле,
И сыни горы за Днипромъ...
Самъ Богъ витае надъ селомъ!

Село! село! Весели хаты!
Весели здалека палаты —
Бодай вы терномъ порослы!

Щобъ люды й слиду не найшлы,
Щобъ и не знали, де й шукаты!

Въ тому Господнѣму сели,
На нашій славній України,
Не знаю, де воны взялысь,
Прыблуда князь, була й княгыня.
Ще молоди собі булы,
Жылы самы; булы багати:
Высоки на гори палаты,
Чымалый у яру ставокъ,
Зеленый на гори садокъ.
И вербы, и тополи,
И витрякы на поли,
И доломъ геть-соби село
По-надъ водою простяглось.

Колысь тамъ весело було:
Бувало литомъ и зимою
Музыка тне; выно рикою
Гостей несытыхъ налива;
А князь ажъ сынїй похожае,
Та самъ несмилымъ наливае,
Та ще й покрыкуе: „вивать!“
Гуляе князь, гуляють гости—
И покотылысь на помости...
А завтра знову ожива,
И знову пье, и зновъ гуляе..
И такъ за днямы день мынае...
Мужыцьки души ажъ пыщать;
Судовыкы благають Бога...
Пьяныци, знай собі, крычать:
—„И патріотъ! и братъ убогихъ!
Нашъ славный князь! Вивать! Вивать!“

А патріотъ, убогихъ братъ,
Дочку й тельчку однамае
У мужыка...—

Княгыня взаперти сыдыть
Йи и въ сины не пускае
Убогихъ братъ. А що-жъ робыть?
Сама втекла и повинчалась,
И батько, й маты не пускалы,
Казалы: „въ гору не залазы!“
Такъ ни—за князя! Отъ и князь!
Отъ и пышайсь теперь, княгыне!
Загынешъ, серденько, загынешъ,
Мовъ рясть весною ў ноци;
Засхнешъ, не знатымешъ ничего;
Не знатымешъ, якъ хвалять Бога,
Якъ люде люблять живучы.
А жыть такъ, Господы, хотилось!
Хотилось любви,
Хоть годочокъ, хоть часочокъ,
На свить подывытысь.
Не довелось,—а все було,
Всёго понадбала
Стара маты. Саму тебе
Мовъ намалювала:
Хочъ молысь передъ тобою,
Мовъ передъ святою.

Красо моя молодая,
Горенько зъ тобою!
Жыть бы, жыть та славыть Бога
И добро творыты,
Та Божою красотою

— 7 —
Людей веселыты —
Такъ-же ни! А молоды
Та карыи очи,
Щобъ марнили въ самотыни...
Може Богъ такъ хоче?
Боже! Боже! даешъ волю
И розумъ на свити,
Красу даешъ, сердце чисте,
Та не даешъ жыты...
Не даешъ на рай веселый,
На свить твій великий
Надывытысь, намолытысь
И заснуты на вики.

Не весело на свити жыть,
Колы нема кого любыть,
Оттакъ и ій, одній, едыній,
Ще молодій моій княгыни,
Красу и сердце засушыть
И марно згынуть въ самотыни —
Ажъ страшно. А вона моылась
И жыть у Господа просылась,
Бо буде вже кого любыть.
Вона вже матирью ходыла,
Уже пышалась и любила
Свое дытя; и давъ дожить
Господь ій радости на свити —
Узреть ёго, поцилувать
Свое едынее дытя,
И першый крыкъ ёго почуты...
Охъ! диты! диты! диты!
Велька Божа благодать!

Слѣзы высохлы, пропалы,
 Сонце просіяло,
 И княгыня зъ дытыною
 Не тією стала:
 Нибы на свить народылась,
 Гралась, веселылась,
 И княжни своїй маленькій
 Сорочечки шыла,
 И маленьки рукавчата
 Шовкомъ вышивала,
 И купала, й колыхала,
 Сама й годувала:
 Бо княгыни тильки вміють
 Привести дытыну,
 А годувать, та доглядать
 Не вміють княгыни;
 А потимъ оха: „забуває
 Мене мій Поль, або Филать“.
 За що-жъ воно тебе згадає—
 За те хіба, що привела?
 А моя свою дытыну
 Сама доглядала,
 А п'яного свого князя
 И не допускала.
 Мовъ яблучко у садочку,
 Кохалась дытына;
 И говоритъ уже стала,
 И вчыла княгыня
 Тилько „мамо“ вимовляты,
 А „тато“ не вчыла...
 И кныжечокъ зъ кунштыками
 Въ Ромни накупыла,

Забавляла, розмовляла,
 И Богу молитись
 И азбуку по кунштыкахъ
 Заходила вчыты;
 И що Божый день купала,
 Рано спаты клала,
 И пылыночци на ней
 Впасты не давала;
 И всю ниченьку надъ нею
 Витала, не спала,
 Надывлялась, любовалась
 Княжною своею...
 И жениха їй еднала,
 И радила зъ нею,
 И плакала. Довги косы
 Уже розплитала
 И, лишенько, свого князя
 Пьяного згадала
 У мундыри, та й закрыла
 Заплакани очи.
 А дытини нибы сныться,
 Мовъ вымовить хоче:
 — Не плачь, мамо, не розплитай
 Мои довги косы —
 Посичуться... — Що день Божый
 Радощи приносить
 Свойй матери щасливій
 Дочка уродлива:
 Мовъ тополя, виростає
 Свитови на диво;
 Виростає... та недовго
 Буде веселыты

Свою матирь: Богъ караетъ,
 Княгыню на свити...
 А за вищо? Чудно людямъ,
 Бо люде не знаютъ,
 Чому добре умирае,
 Злее оживае...
 Занедужала княгыня,
 И князь схаменулся—
 За бабами-знахарками
 По селахъ метнувся.
 Найихалы; заходылысь,
 Личылы, личылы,
 Поки йи безталанну,
 Въ труну положиы.

Не стало на сели княгыни,
 И гусли знову загулы.
 А сырота йи въ сели,
 Йи едыная дытына,
 Мовъ одирвалось одъ гyllи:
 Ненагодоване и босе,
 Сорочечку до зносу носыть,
 Спеклося, бидне, на жару;
 Лопуцькы йисть, ставочки гатыть
 Въ калюжахъ зъ дитьмы у яру.

Умыйся, серденько, бо маты
 Онъ дывыться й не пизнае
 Мижы дитьмы дытя свое
 И думаетъ—тебе не стало.
 Умыйся, сердце, щобъ пизнала
 Тебе, единую свою,
 И Господа бь благословляла

За долю добрую твою.
Умылася; а добри люде
Прыбралы, въ Кывѣ одвезлы
У институтъ... А тамъ що буде?
Побачымъ.

Гусли загулы...
Гуляе князь, гуляють гости,
Ревуть палаты на помости,
А голодъ стогне на сели.

И стогне винъ, стогне по всій України
Кара Господева. Тысячамы гынуть
Голодныи люде... А скрыты гныють.
А паны й полову жыдамъ продають,
Та голоду ради, та Бога благають,
Щобъ ще хочъ годочокъ хлибець не рожавъ:
Тоди бъ и въ Парыжи и иному краю
Нашъ братъ хуторянынъ себе показавъ.

.
Бо се було бъ диво,
Щобъ чуты и бачыть и не покаратъ!
Або вже ажъ надто довготерпелый...

Мынають лита. Люде гынуть;
Лютуе голодъ въ України,
Лютуе въ княжому сели.
Скрыты вже княжи погнылы
А винъ байдуже: пье, гуляе,
Та жыда зъ гришмы выглядае.
Нема жыдка... Хлибы зійшлы,
Радіють лкде, Бога просять;
Ажъ ось изъ Кыва привозять
Княжну. Мовъ сонечко зійшло
Надъ обикраденнымъ селомъ.

Чернобрыва, кароока—
 Вылытая маты!
 Тилько смутна, невесела.
 Чого-бъ сумуваты?
 Або, може, вже такою
 Воно й уродылось?
 Або, може, молодее
 Чи не полюбыло
 Кого-небудь? Ни, нікого.
 Весела гуляла,
 Мовъ ласочка зъ кубелечка,
 На свить выглядала
 Зъ того Кыива, ажъ поки
 Побачыла села
 Знивечени; зъ того часу
 Стала невесела.

Мовъ сызая голубонька
 Село облетила;
 У всіхъ була, всіхъ бачыла,
 Все повеселилы:
 Тамъ словами привитала,
 Тамъ нагодувала;
 Що-день Божый обходила
 Село; помагала
 Усякому; а сироты
 До неї въ покои
 Приходылы и матирью
 Своею святою.
 Їїи звали, и все село
 За неї молылось.
 А тымъ часомъ жыды въ село

Зъ гришмы появились...
 Радіе князь, запродае
 Зъ половию жыто
 И молотыть,—выганняе
 Людей недобытыхъ.

Змолотылы, нивроку имъ,
 За одну году
 И зъ клунею провіялы.
 Князь и не спочынувъ:
 На могорычъ закладыае,
 Та пье та гуляе
 Ажъ у гаи; бо въ покояхъ
 Дочка спочывае.
 Гармыдерь, галась, гамъ у гаи;
 Срамотни спивы; ажъ лящыть
 Жиночый регить; завывае,
 Реве хазяинъ—, Будемъ нить,
 Ажъ помы наша доня спыть!“
 А доня взаперти сыдыть!,
 Въ своему сумному покои,
 И дывыться, якъ надъ горою
 Червоный мисяць ажъ горыть,
 Зъ-за хмары тыхо выступае,
 И нибы горы оживають.
 Дубы зъ дибровы, мовъ дыва,
 У поле тыхо одхожають,
 И пугачъ пуга, и сова
 Зъ-пидъ стрихы въ поле вылитае,
 А жабы крикають, гудуть.
 Дывытесь очи молоды,
 Якъ зори Божьи встають,
 Якъ сходыть мисяць, червоніе,

Дывытеся, поky вась гріе,
А зори спаты не дають.

Головою молодою
На руку зхылылась,
До-півночи невесела
На зори дывылась
Княжна моя. Дывылася,
Та й плакаты стала.
Може серце яке лыхо
Тыхо прошептало.
Та байдуже: поплакала
Трошки, усмихнулася,
Помолылася, та й спать лягла,
И тыхо заснула.

Въ гаю все покотомъ лежало —
Пляшкы и гости: де що впало,
Тамъ и зосталось. Самъ не впавъ,
Остатню краплю допывавъ;
Та й ту допывъ. Встае, не пада!
Иде въ покой.

Скверный гаде,
Куды ты лизешъ? Схаменысь!...
Не схаменувся. Ключъ виймае,
Прийшовъ и двери одмыкае,
И лизе до дочки. Прокынься,
Прокынься, чыстая! Схопысь,
Убий гадюку — покусае!
Убий — и Богъ не покарае,
Якъ тая Ченчіо колысь
Убыла батька кардынала...

Ни, не прокынулася --- спыць.
 А Богъ, хочъ бачыць, та мовчыць,
 Грихамъ велькымъ потурае...
 Не чутъ ничого. Часъ мынае,
 А потимъ крыкъ, а потымъ гвалтъ,
 И плачъ почулы изъ палатъ,
 Почулы совы; потимъ знову
 Не чутъ ничого.

И въ той часъ
 Скрыты и клуня зайнялысь
 И зори зныклы. Хочъ бы слово.
 Хочъ бы де голось обизвався.
 Паны въ гаю не ворущылысь;
 А люде збиглысь, та дывылысь,
 Якъ дымъ до неба пидіймався.

Прокынулыся въ-ранци гости;
 Ажъ бачать що лыхо —
 Покынулы свого князя,
 Та любо, та тыхо...
 Такъ и мы ёго покынемъ,
 Такъ и Богъ покыне.
 Тебе тилько не покыне
 Лыхая година,
 Княжно моя безталанна,
 Знивеченый цвите.
 Ты ще будешъ покутовать
 Грихы на симъ свити,
 Грихы батьковы. О, доле,
 Лукавая доле!
 Покынь йїи хочъ на старисть,

Хочъ на чужимъ поли,
На безлюдди. Не покинешъ,
Поведешъ до краю,
До самой домовыны,
Сама й поховаешъ.

Въ сели не бачылы й не чулы,
Де вона подилась.
Думалы—на пожарыщи
Небога згорила.

Стоить село. Невесело
На гори палаты
Почорнили. Князь хыріе,
Нездужае встаты;
А пидвесты нема кому—
Нихто й не загляне
До гришного болящего
Въ будынки пагани.
Люде трохи очунялы;
Господа благають,
Щобъ княжна до ихъ вернулась,
А йиї немае
И не буде вже, святои.
Дежъ вона подилась?
У Кыивы пресвятому
Въ черныци пострыглась

Родылась на свить жыть, любыть,
Сіять Господнею красою,
Витать надъ гришнымы святою,

И всякому добро творить, —
А сталося ось якъ: у черныцяхъ
Занапастылося добро.....

Блукаючи по України,
Прыбывсь якось я въ Чыгырь,
И въ манастырь отой дивочый,
Що за пискамы на болоти,
У лозахъ самотный стоить.
Оттамъ мени и розказала
Стара черныця новыну,
Що въ манастырь до ихъ зайшла
Княжна якась изъ-за Днипра
Позаторикъ. Одпочывала,
Та й Богу душу оддала.
Вона була ще молодою
И прехорошая собою;
На сонци дуже запеклася
Та й занедужала. Лежала
Недовго щось, седьмыци зъ тры,
И все до крыхты розказала
Мени и Ксеніи сестри,
И вмерла въ насъ. И де ходыла,
Въ якихъ то праведныхъ мистахъ,
А въ насъ сердешна опочыла...
Оце йїи свята могыла...
Ще не поставылы хреста.

Львівська бібліотека

АН УРСР

№ 31789

Львівська Філія
Бібліотеки АН УРСР

I.

ЛЕСЫШЫНА ЧЕЛЯДЬ.

Пречудный литній поранокъ. Въ холоднимъ, легенькимъ витри ледвы-ледвы леліється широкий ланъ жыта. Жыто мовъ золото. Колосся, наче праныкы, ажъ похылылося пидъ вагою зерна та перловыхъ крапель росы, що позвысалы зъ каждой стебелынкы. Стебла стоять высоки та ривни, жовти и гладки мижъ зеленымъ лысьямъ повійкы, полетыци, осету та другого бурьяну, що стелыться сподомъ. Де-не-де выдніється зъ посередъ того золотого, шумячого та пахучого моря сыне чаруюче око блавату або квитка куколю, або дивоче, паленіюче лыце полёвого маку.

Зійшло сонце. Зацвиркоталы сверщкы на всияки лады, забренилы велыки полёви мухы, затрипоталысь пестри мотыли понадъ колосыстымъ моремъ. Природа ожыла. Витеръ подувъ сыльнійше, подувъ тепломъ зи стороны лиса и зачавъ стрясаты срибну росу зъ травъ и цвитивъ.

Въ сели пиднявсь гамиръ, закыпило жыттямъ. Выгинъ запестрився видъ худобы, котру гналы на пашу. За худобою йшлы заспани та немыти пастухы. Де-

яки зъ ныхъ, котри вспилы вже й поснидаты, спивалы весело, гойкалы та вылускувалы батогамы, женучы свій товаръ.

Зъ хать закурився дымъ. Хазяйкы топлять зарана, щобы скоро зварыты обидь,—молодыхъ выправляють у поле.

Лыше у старой Лесыхы не курыться зо стрихы. Хоть тамъ йихъ тры: стара, донька Горпына и молода невестка Ганна, але вони николы такъ рано не топлять, все въ вечирь. Вечеромъ спечуть та зварять, що тамъ треба,—а весь день Божыстый не дбають. Запопадни господини хочъ куды!

Господарство у старой Лесыхы несогирше. Хата хочъ стара, та ще сыльна; будыночки нови, простори и опрятни, худибка красна, що Господы,—гладке кожде, мовъ слымакъ. Пасика такожъ по смерты небищыка Леся не пишла ниворотомъ. Лесыха прыйняла старого дида жебручого Зарубу въ хату, обшыла, обхамрала,—то уже старый литомъ и пасики пыльное и коло хаты найменьшой крыхиточки допантруе.

Лесыха була й справди жинка дуже господарна та запопадна. Сукрыста дуже та тверда. Бувало, якъ на що завизьметься, то хочъ рака лазь, все поставыть на своимъ. Хоть волосся въ неи все й сывило, то лыце все було червоне и здорове, якъ цвиклёвый буракъ. Облесного й масного языка въ неи не було. За то говорила все урывысто и якось гнивно. Жарту або якого другого радого та щырого слова не чувъ видъ неи нихто. Кожному, абы хто, умила дотяты своимъ языкомъ. Правда, кажутъ, не зъ добра вона така й стала. Небищыкъ Лесь,

повидають, убывавъ іїи тяжко за молодыхъ литъ, прыбывавъ килкомъ за косу до лавы, а бывъ... Зъ горя вона тоди перазъ и напивалася, и той звычай остався у неи ще до теперь, хочъ никола пьянство не доводило іїи до того, щобъ розтренькувала та прошастувала гирко запрацёване добро. Сли пыла, то пыла сама. Въ іїи хати ани въ сели ниhto видъ неи никола й не понюхавъ чаркы горилкы. Стара Лесыха була дуже тверда и скупа.

Гнатъ Лесышынъ довго не мигъ оженытыся. Ни одна дивка въ сели не хотила йты за нёго. Не знаты, чы то тому, що бувъ такой злый та забіяка, чы тому, що такой поганый. Волосся червоне, очка маленьки, хытри, якъ у якого татарына, самъ великый, голова якъ макортеть, а губы, мовъ подушкы, таки повздувани. Ну, не про те ричъ, — хай ёго тамъ Божа Маты судыть! — але досыть на тимъ, що ниодна дивка не хотила за нёго йты. Ще — не знаты и якъ и чому — плелы щось люде, що Гнатъ не зовсимъ мае чысти пальцы, перазъ тамъ кризь ныхъ и де що чуже прослызнеться. Не знаю якъ де, а въ нашимъ сели вже нема гиршой ганьбы, якъ колы кого обнесуть злодіемъ! Таке було и зъ Гнатомъ Лесышынымъ, тому то не мигъ винъ довго оженытыся. Никотра не хотила йты за нёго.

Але въ кинци трапылася такы одна — Ганна Тымышына. Пишла вона за Гната на свое горе. Бидна и сырота, безъ батька, безъ матери, тилько й вина внесла въ Лесышыну хату, що свои чорны бровы, кари очи та двое рукъ робучыхъ та терцельве, послушне и покирлыве сердце. Ой зазнала жъ вона доли и за Гнатомъ! Не минувъ рикъ, а вже стала щезаты

йїи краса, погасаты блыскъ ока, хылытыся до земли вродлива голова! Звычайне грызота, сварка та бійка! Кого воны не прыгнуть до земли, не позбавлять веселосты?...
 ОНТОНАШН І ОЮААШН І

И отъ вамъ уся Лесышына челядь. Ага, бувъ ще у Лесыхы хлопчына наймытъ Васыль, що пасъ худобу. Його проzywалы Галаемъ, бо вично, скоро вжене худобу въ лисъ, галайкоче та галайкоче и не вгавае ни на волосокъ. Въ одній хвыли и коломійкы задробыть, и думкы затыгне, и весильнои, и зъ псавтыри та гласивъ церковныхъ. Не бувъ винъ пысьменный, все те попереймавъ зи слуху и хочъ бы вамъ одну спиванку умивъ скинчыты. Голосы та спиванкы плелыся въ його голови въ якомусь дикимъ неладди и моталыся, мовъ ключа сина въ буйнимъ витри. Воны не бавылы, а тилько заглушувалы його. Винъ тоди не тямывъ о свити и о соби. Худоба брела ниворотомъ. А якъ хто другый спивавъ, то винъ не любывъ слухаты. Сказано, якыйсь тумановатый. Зъ чого йому таке пишло, Богъ знае. Може такожь зъ нужды та бійкы. Ой, бо то й натерпився винъ усилякого лыха, колы померлы його родычи видъ холеры. Воны, кажутъ, булы багатеньки и пестылы дуже свого Васыльчыка. Смерть забрала йихъ нагло одного дня, — Васыльчыкъ перейшовъ у чужи руки, а чужи руки, звисно, не гладять! Былы ёго, бо бувъ розпещеный, упертый, линывый. Выгналы зъ ёго ти хыбы та заголомшылы молоду голову, затопталы послидню искорку дытынячои свободы и живосты. Маетокъ зслызъ у чужыхъ рукахъ, мовъ снигъ у води, а Васыля далы на службу до старои Лесыхы. Ой, не рай же винъ и тутъ найшовъ!
 КРАШЫНСКО

II.

Лесыха, сказано запопадна, перша йде зажынаць зь донькою и невесткою.

— А ну, чы нашъ Галай и ныни пустыць хубу у царыну, чы буде тямыты вчорашни сынцы?— заговорила якось, нібы грозячы комусь, Лесыха, йдучы передомъ та поблыскуючы новымъ серпомъ пидъ пахвою.

— Ба, а чому жъ бы й не пустывъ? Якъ зачне выгалайкуваты то про все на свити забуде, не то про хубу!—видрекла Горпына. Їїи красне, молоде лице свитылося здоровымъ румянцемъ супроты сходячого сонця. Вона одна була ще найщасливійша на всю хату. Маты любила йїи, хочъ, правду сказавшы, неразъ и Горпыни прыйшлося скоштуваты гиркои видъ матери або брата.

— Ой, и такъ прыголомшылы бидного хлопця, якъ кота загорилого, а теперь добывають!—шепнула сама до себе несмило Ганна. Въ серци бидной сыроты найскорше збудылось пожалування надъ такимъ же круглымъ, нещаснымъ сырою.

— Ага, свій все зи своимъ рука!—видризала йїи гнивно Лесыха. Вона зачула тихи слова невестки.

— Сырота, а пысокъ, якъ ворота?—крычала дальше.—Не бійся, моя киточко, и ты бы варта зь нымъ на одну гыляку! Зійшылся обое, та заразы одно надъ другимъ и жалуеться. Ехъ, Божа бы вамъ Маты не дала просвитной годыны, що вы мою працю дармо марнуете, мій хлибъ дармо жрете, а все лелёмъ-полелёмъ поводытеся.

Лесыха замовкла. Задыхалась. Нихто бильше не обзывався.

Прыйшлы на мисце. Ганна выбрала мисце на межи, де склала полудень. Лесышына пывка була шить загонивъ зашырока. Тры йихъ за день могли йи напевне обалыты. Лесыха тутъ же порядкуе.

— Ты, непотрибе, (видозвалася прудко до невискы) ставай онтуть! (показала найшыршый загинъ). Ты (до донькы) сюды,—а я на прылуду!¹⁾—Поставалы.

— Господы помагай! сказала Лесыха и перша ужала жменьку спилого, колосыстого жыта, перша зробыла перевесло, звязала снопокъ и видставыла ёго на бикъ. То первачокъ, винъ на урожай, значыть.

— Ану, до работы!—промовыла зновъ. И тры жиночи головы схылылысь до земли, червоніючы. Вь рукахъ заблыскотили тверди стебла жыта, пидтыкани блыскучымъ, зубчастымъ зализомъ,—жменя за жменею падае на землю. Гарнымъ, протяглымъ лукомъ перемикають женци нажатую жминку понадъ головою за себе и кладуть на стерни. Часъ видъ часу одна выпрямыть ся, вымкне жменьку жыта, стряссе зъ пашныстого бурьяну, роздильть надвое, скрутыть перевесло и простре его на свижий, пахучий стерни. Сверцкы, жуку и всяка команья утикае попередъ серпамы. Часамы й злякана сира мыша выткнеться зъ своей норы, перебижить попидъ ноги женчыси, та зновъ повзне у ямку.

Рано, за холоду, зъ росою добре жаты. Хрупъ, хрупъ, хрупъ... лышь тилькы всего й чуты, та шелестъ складаного вь снопы жыта.

Але поволи-поволи свижий, полёвый воздухъ шырока самота и тышына поля, одностайнисть работы спонукають духа, щобы обявывъ себе. Розмова не

¹⁾ Прылуда—найменчий загинъ.

легко тутъ завяжеться, — стара Лесыха все йи якось прыкро перерве. Отъ одно що, такъ се спивы...

И поволи-поволи изъ загальной тышыны и одно-стайного хрупання стебельъ выризуеться чудовый, срибный, але тыхенькый, несмилый голосоукъ. Се Горпынынъ голосоу. Стара жне, не зважае на те. Горпына стае смилыйша, голосоу мицнйе, изъ сердца нехотя лйетъся тужна, чудова писенька:

Туды лозы хылылыся, куды йймъ похыло,

Туды очи дывылыся, куды серцю мыло.

— Гей ты, нелипо якась! — крыкнула Лесыха до невесткы, — чы вже лыпаешся? Вже тоби руки покулыло, чы що?

Ганна, слабувата й такъ, не змагала на найшыршимъ загони йты поривно зъ друкымы. Вона лышылась була вже майже о пивтора снопы ззаду.

— Щоужъ бо вы, мамо, до мене ныни вчепылыся, мовъ оса? — видрекла вона, зибравшыся якось на смилить, але не пидводячы головы. — Хиба не бачыте, що не можу борше жаты, бо загинъ шырокий? Ваша прылуда не того. Добре вамъ балакаты!

Се розлютыло Лесыху.

— О, дывиться на ню! Яке смилыве та угурне. Ще й свое рыло ставыть напировь мене! Ей, небого моя! Колы бъ мени борзо вечиръ, прыйде Гнать зъ косовыци, не будешъ ты така шырока!

Ганна хотила ще щось видповисты, але Горпына шепнула до неи:

— Дай спокй, сестрыце! Мама все мусять теркотаты. Жнимъ разомъ!

Ганна замовкла. Горпына зачала ййи все пиджыматы, майже пивъ загона соби забирала. Була то

щыра душа, не въ маму вдалася, та часомъ лишь говорыла пидь йи ладъ, бо знала сукрысту материну натуру. Зновъ стало тихо, лышь стебла хрупотять та часъ видъ часу серпъ бренькне о каминець.

Горпына десь съ перегадомъ затыгла другу писню. Зибралося Ганни на тугу й жалоци, котри такожь vysлуwалысь вылытыся писнею. Вона несмило та ривно и перельвно затыгла:

Зайшло соненько за виконенько,

Якъ проминное коло;

Выйды, мыленька, выйды, серденько,

Промовъ до мене слово!

Рада бь выйты, рада бь выйты,

До тебе говорыты,

Та лежыть нелюбъ по правій руци,

Боюся ёго збудыты!

Лесыха слухала писню, затыснувши зубы. Килько разивъ зь-пидь лоба сурово поглянула на невестку. Ганна не бачыла того, жала дали и спивала. Зь йи тусклого ока скотылася навить груба сльоза и внала на серпъ. Знакъ, що й сердце йи спивало тужь писню, не лышь уста.

— Отъ що йи на голови! Господыня моя зателепана! Яки спиваночки выводить!—перебыла гнивно Лесыха.

— Дайте бо вы, мамо, Ганни спокій!—зь сердцемъ видказала Горпына.—Що васъ за говоринка напала? Ни говорыты, ни плакаты, ни сміятися не даете, щей спиваты бороните. Яка мара дали вытримае у васъ?

— Но, но! Рострискоталась, сороко кудохвоста!—скрыкнула маты,—волышь жаты та тихо буты! Не бійся, знаю я, де у тебе раки зимують! Лышь мини не мовчы, то й ты будешъ знаты, по чому локоть борщу!

Зновъ одностайно и понуро йшла робота. Стара хвыля видь хвыли поклыкувала на невестку то на доньку, мовь оконоть. Вже сонце геть-геть пидійшло. Жыто все клалося та встелювало широко загоны. Вже наши тры женчыхы пополуднувалы и, не спочываючы, взялыся зновъ за дило. Сонце жарыло, зь лыць котывся пить. Сверщкы цвиркалы голосно та проныкливо. Здавалося, що йихъ голосъ роздається десь глыбоко пидь землею и впадае до уха, мовь гострый креминный писокъ. Окримъ сверщкивъ, усе затыхло, все поховалося въ тинь передь жарющымъ сонечнымъ проминемъ. Лышь люде, паны сотвориння, мучаться тоди, колы спочывае природа.

III.

— Лесыхо, Лесыхо! — роздався голосъ якогось косяря зь пидь лиса.

Лесыха встала, приложила руку надь чоло и вперла очи въ даль.

— Чы не бачыте, онде тры ваши коровы въ вивси? — крычавъ голосъ дальше.

Изь лиса долитало галайкання и верескловый спивъ Васыля.

Ой тамъ, на горбочку

Сыдивъ дидько въ черепочку,

А мы ёго не пизнали....

Гей! (гей тяглося безконечно довго)

Маты жь моя, маты,

Пусты мене погуляты...

Го-о-о-а — уосподы, воззвахъ теби, услыши мя!...

— Ахъ, чортивъ накоренокъ! Уже зновъ змалювавъ! Бодай ты зь себе печинкы выкрычавъ! Васы-

лю, гей! Васылю—гей! Тумане висимнадцятий, на! А не бачышъ, що коровы въ шкоди—га? А повилазылы бѣ тоби оти слипаки! Хочъ бы, Богъ давъ, повилазылы!

— Господы помыло-о-ой! —ишовъ видгукъ изъ лиса. Те «лой» тяглося зновъ дуже довго и згубылося вкинци десь въ далекиѣ, темниѣ лиси.

— Галаю —на, Галаю!—закрычавъ зновъ косарь зъ-пидъ лиса.—А чы не выженешъ ты соби коровы зъ царины? Выгнало-бѣ тебе, якъ гору Бочыньску, га!

— Ой туду, ду, ду, ду, ду; за воламы я йду!—репетувавъ Галай зъ лису.

Косарь мабутъ стратывъ терпывистъ, вхопывъ косу на плече та побигъ самъ выганяты коровы зъ вивса. Вигнавъ ихъ у лисъ и щезъ за ными въ темряви зелени. Лышь незадовго чутно було крыкъ и ревить Васыля.

— А то, то, то!—прыговорювала Лесыха, зновъ схыляючысь до жныва—Най зъ нѣго тамъ и третю шкуру здійме, слова ёму не скажу! Най пантрое худобы, а не галайкоче!

Вечерилося. Сонце пышно закотылося за сини горы. Мряка зачала налягаты на луки и клубытыся чымъ разъ шырше сывымы туманами. Зъ-пидъ неи, мовъ дытына зъ-пидъ теплои перыны, обизвалыся деркачи. Перепелыци запитпилитькали зъ жыта. Витеръ повіявъ видъ мочаривъ тепломъ та запахомъ сырого лепеху и татарського зидля. Любо якось та легко ставало на серци.

Наши женчыхы дожалы нывкы, поставалы, пови-простовувалы крыжи та видсапувалы.

— Ладный денёкъ буде завтра,—промовыла Лесыха якось ласкавійше, якъ звычайно.—Богу дяку-

ваты, щось и мы тутъ ныни обпоралы. Завтра треба буде ячминь на базарыщи схопыты.

— Ладна ничь буде ныни! — прошепотила Горпына, легко почервонила и замовкла.

Ганна всмихнулася до неї та якось сумно, мовь кризь слёзы. Вона одна знала про тайну Горпыныного дивочого серденька, про її кохання до вродливого, чорнобрового парубка Мытра Грома.

— Ну, чого стоите! Ганно! хопты узбыраты, коровамъ до прыпусту! Ты, дивко, бигай телята напій! Ну, борше!

Ганна заразъ метнулася мовчки, раднійше, якъ звичайно. Чаруюча сыла лежить въ одномъ однинькомъ ласкавійшимъ слови! Горпына підбигцемъ и прыспивуючы поквапылася до дому, а стара Лесыха, положывшы серпъ на голову вистрьемъ до хусткы и завдавши собі на плече сніпъ-первакъ, гордо помела за нею. Остатня прыйшла до дому Ганна, двыгаючы на плечахъ велику верету свиного, пахучого та пестрого бурьяну. Коровы чекалы вже на ню, а побачывшы свою звичайну вечерю, зачали мычаты зъ радости и стовпылыся разомъ коло синешныхъ дверей, чекаючы, помы прыйде черга на кожду йты до синей, перекусыты смачного зилля и виддаты въ чыстый скопецъ свій цілоденный запасъ молока.

Уже геть-геть смерклося. У Лесыхы затоплено въ пичи и огонь палае яркымъ, червонымъ свитломъ. Ганна зъ Горпыною пораються, варять, що треба на завтра. Дидь Заруба голосно говорить молитвы, сыдячы на прыпичку, а Василь, наслулавшыся сваркы Лесыхы и видобравшы зо два бухнакы межи плечи, полизъ на ничь и заснувъ, не чекаючы вечери.

Пидь викнами почулыся тяжки мужыцьки крокы и бренькить косы, а трохы згодомъ увійшовъ Гнать у хату, кинувъ старый соломяный капелюхъ на лаву и сивъ кінець стола.

— Ты на, Галаю! Быкы попрыпынани?

— Попрыпынани, попрыпынани, — видповила Ганна, мыючи мыскы и заходячыся коло вечери.

— А ты, газдыне, де твои серпы лежать?

— Або дежъ? Тадже въ синяхъ надъ одвиркомъ! Дежъ бы малы?...

— Ага! Абы бувъ троха не диздривъ, бувъ бы соби ногу на викъ-виченный просадывъ! Пидь самымъ порогомъ!

— То певне коты!..

— Ой небого моя! Лышь ты не пантруй моеи праці, якъ ока въ голови! Не маешъ свого що розмитуваты! Не принесла мині ніякого вина!

Ганна змовкла. Іійи дуже прыкро вкололо ште слово. «На що жъ ты бравъ мене? Таже ты ой тоди бачывъ, що я бідна!» Оти гадкы тыслыся Іійи до головы, але смылосты не було у неі кнуты й соби нымы Гнатови въ очи.

— Ну, спаты! — комендеруе Лесыха. — Ты, непотрибе, огонь у ничи погасы, грань позамитай у закутець, чуешъ? Горшки у ничъ, пехай крупы на завтра допріють! Горпыно, воды ще нема. Рушай по воду, та хутко!

Ганна почала поратыся, а Горпына выбигла до синей. Тутъ лышь злонотила коновцямы та коромысломъ, рыпнула дверыма, а зъ обороу чутно лышь було веселу писеньку:

Кобы жъ була така красна, якъ та зоря ясна,
Ой свитыла бъ мыленькому, никола не згасла!

— О, яки йій по голови сверщкы цвиркочуть!— видозвався сердыто Гнатъ, роздягаючысь.— Мамо, не высылайте йіи николы вечеромъ по воду!

— Або чому?

— Та хіба не знаєте? Той довгоносыі Громыкъ, онъ зъ-за дороги, щось дуже до неі...

— Що?—верескнула Лесыха. — Оте засмаркане сміе пидлазыты до моеі донькы? Та я жъ ёму волосся обсмыкаю на ёго капустяній голови! Я пиду до матери, нехай ёго собі держыть, колы не хоче, щобы яка напастъ сталася!

Гнатъ лигъ уже на постіль. Лесыха довго ще сопила та ходыла по хати.

— Ехъ, нехай лышъ я ёго піймаю въ свои руки? Буде винъ знаты. Пидвынокъ якийсь ходыть! Та я жъ ёго якъ піймаю за лапу а на другу прыступлю, то роздѣру-жъ.

— Угу, а вамъ що таке мамо?—зачала уговорювати Ганна. Вона досі мовчала на ту бесиду, кинчала ховаты.

— Що вамъ такого прыпало? Ще бъ слухалы, що Гнатъ плете! Та нехай скаже, чы бачывъ колы своїмы очыма, що Громыкъ Горпыну зачинавъ?

— О, бачъ який зъ неі адукать!—видкрыкнувъ на постели Гнатъ.—А не будешъ ты спаты, ты, робитныце моя неплачена!...

Лесыха роздяглася и лягла на запичокъ, де Ганна постелыла вже була для неі м'яжку перыну и два заголовкы. На печи хропивъ уже гомосно дидъ Заруба та часъ видъ часу галайкавъ кризь сонъ Васыль.

— Диду, а обернись на другый бикъ! Не хропить такъ, пичъ завалыться!—крыкнула Лесыха, штуркаючы дида въ бикъ.

— Богъ заплатить! Ручкамъ роботящимъ и ножечкамъ приходящимъ и головамъ выслухающимъ,—зачавъ Заруба кризь сонъ свою звычайну молитву, але заразъ же обернувся на другой бикъ и втыхъ. По хвыли заснула й Лесыха.

Тыхо стало въ хати. Мисяць несмило, блидо проглядае кризь тисни, тускли шыбы. Ганна ще не лягала спаты. Вона сперла голову о викно, а ликти о варцабы и довго стояла, тяжко задумавшысь. Надъ чымъ вона думала? Богъ знае. Може переходылы попередъ йи очыма йи лита молоди, невесели, сыритськи. Може прыгадувалася йи серцю яка перша, щаслыва, безталанна любовь, бо въ очахъ закрытылыся дви слёзы, а зъ усть ледво чутно полылася сумна думка:

Шумилы вербы въ Поповій дебри,
Тай лозовее пруття;

Люблю тя, дивча, люблю, серденько,

Про людей не возьму тя.

Не такъ про людей, не такъ про людей,

Отець маты не вельть...

Мене за тобою, мене за тобою

Само серденько болыть!

— Жинко, ты каланнице моя непрыторонна! Що ты, выбралася мыши ловыты, чы що? Чому спаты не йдешъ?—обизвався Гнать.

Ганна схаменулася, обтерла слёзы и клякла до молитвы.

Моылась вона довго, горяче, простымы сердечнымы словами. А пидъ викнами на вышни выводывъ соловей свои голосни спивы, все починачы, мовъ на смихъ; патыкомъ, патыкомъ, патыкомъ, тай

трись! цюррр... А на выгоні прощалася Горпына своимъ любкомъ.

— Горпыно, серце, зажды ще хвылечку! Мы ч й не наговорылися.

— Ни, Мытрыку, нема колы, мама будуть сварыт. Ты знаешь, яки воны! Добраничъ тобі. А завтра.

Не докинчыла, хопыла коновци зъ водою и побигла до хаты.

— Завтра,—шептавъ за нею Мытро. Довго погладавъ зъ выгона на Лесышыну хату, а дали й задумався.

— Чы не дармо я йи люблю? Чы виддасть йи стара Лесыха за мене?—подумавъ винъ. Серце йом стыслось, колы погадавъ о своїй бидности.

— Треба робыты, заробляты що сылы, а чы ш зъ того выйде?... Таке то наше гречане...

Зитхнувъ важко, вытягъ сопилку зъ-за пазухи заправъ, затыликавъ, та такъ дрибно та тужно такось такъ, немовъ бы въ тымъ голоси тонула вс його надія на тыхе щастя.

— Гирка моя доле!—прошептавъ Мытро и повернувъ у свій выгинъ до бидной, вербами обсаджено хатыны, де жыла його стара маты. Зъ межы густыхъ зеленыхъ вербъ роздався парубоцькый голось, щ выводывъ писню:

Ой ще куры не пины,

Кажуть люде: день билий!

Ой выйды, выйды, хороша дивчыно,

Поговоры зо мною!

К И Н Е Ц Ь.

am

af L.

me

lt

s

oi

p

31.789

ф | ^I | 1901
Л-501

27170

№ 8-и.

252

КНЯЖНА

ПОЭМА

М. Я. Шевченко.

ПЕСЫШЫНА ЧЕЛЯДЬ

оповидання И. Франка.

Відахо Вс. М. Туртомъ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Ключовская — 5.

1901.

Цина 3 коп.